

ОТ АВТОРА

Работа над трилогией подарила мне радость открытия, что не только профессиональные историки, краеведы, этнографы владеют знаниями о прошлом России, но и очень много простых людей оставили воспоминания поистине уникальные. Это касается всех периодов и мест, которые были для меня важны: Сибирь начала прошлого века, предвоенный быт, Курск во время немецкой оккупации, ленинградская Блокада. Моя глубокая благодарность тем, кто передавал рассказы очевидцев из уст в уста, кто записал их. Это наша история, пропущенная через судьбы.

Моя глубокая признательность специалистам разных областей за интересные и толковые консультации: Е.М. Дутовой, О.В. Буратынской, М.А. Жигуновой, Л.А. Ивановой, И.М. Плаксину, Л.И. Лариной, В.М. Губареву.

Ирине Николаевне Умеренковой — низкий поклон за помощь, поддержку и доброту.

Мое восхищение профессионализмом редакторов О.А. Павловой и Татьяны Николаевны Захаровой, обладающей редкой способностью найти и исправить ошибки столь деликатно, что автор не краснеет и не тушуеться.

Мария Сергеева, заведующая редакционно-издательской группой АСТ, по возрасту годится мне в дочери, и в то же время она — «повивальная бабка» всех моих книг, начиная с первой, выпущенной много лет назад. Как важны добрые и умелые руки, принимающие новорожденного ребенка, так и для книг значимо отношение тех, кто читает их в рукописи. Разница заключается в том, что мы, как правило, не знаем тех, кто первым взял нас на руки, а редактору имеем возможность выразить искреннюю благодарность. Что я и делаю с желанием уточнить понятия: «повивальная бабка» давно превратилась в доброго ангела.

Подготовка книги к печати, ее продвижение и распространение — это труд многих людей, чьи имена не значатся в выходных данных книги. Сотрудникам издательства АСТ, команде, которая трудилась над моей трилогией, — огромное СПАСИБО!

Я не знаю, как благодарить моих главных вдохновителей: мужа, детей, внуков, невесток, друзей — как не знаю слов благодарности воздуху, которым дышишь.

Посвящается ленинградским блокадникам,
павшим и живым. Всем, кто о них помнит.

Часть первая
Накануне войны

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Живородящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как раскалённая пустыня
И как алтарь без божества.*

А. Пушкин

*Мать — творит, она охраняет...
Мать — всегда против смерти.*

М. Горький

Ленинград

Весной 1941 года знакомый сапожник сказал Марфе (не для передачи, и языком трепать не надо), что война точно будет и накопления на сберкнижках держать нельзя — реквизируют, а что под матрасом спрятано — обесценится, сама помнишь, как в Гражданскую было, когда деньги в фантики превратились. Сапожник был знающий: у него в мастерской имелся радиоприемник, включенный с утра до вечера. Когда сапожник впадал в запой, его жена приемник уносила и прятала — таков был строгий наказ трезвого мужа, не уверенного, что в пьяном угаре не пропьет дорогую и ценную вещь. Марфа сапожнику доверяла еще и потому, что работал он на совесть, прибитые им подковки не отваливались от каблуков, а подметкам сносу не было. Сапожник питал к Марфе некую слабость, не в амурном смысле, а за оценку его труда. Когда сапожник запивал, Марфа не шла к другим мастерам, а дожидалась его выхода на работу.

У Марфы было накоплено шестьсот рублей — за обучение старшего сына Митяя в девятом классе осенью надо заплатить двести, за десятый класс потом еще двести плюс подсобрать на обучение в институте, в который Митяй, конечно, поступит.

«Образовательные» деньги Марфе было тратить обидно и горько, ведь копейку к копеечке собирала. Но выхода

нет. Война — лихолетье, в котором выживают только запасливые хозяева, вроде ее покойной свекрови.

Александра Павловича Камышина, в семье которого Марфа уже много лет, еще с Омска, состояла в домработницах, она спросила при случае:

— Имеются у вас деньги на сберкнижке?

Он кивнул, удивился вопросу: Марфа была щепетильна до крайности в финансовых делах и экономна до жмотства.

— Могу я поинтересоваться, на что тебе понадобились деньги?

— Война с немцами будет.

— Исключено, мы с ними подписали договор о ненападении.

— У меня точные сведения, — упрямылась Марфа.

— Да? — благодушно хохотнул Камышин. — От кого, позволь спросить? Ты имеешь связи в органах зарубежной разведки?

— Какие надо связи, такие и имею. Сколько у вас накоплено?

— Рублей пятьсот.

Негусто, меньше, чем в кубышке у Марфы. Впрочем, неудивительно — при транжирстве-то Елены Григорьевны, жены Камышина.

— Завтра же и сымите. Буду запасы делать.

— Марфа, милая, — снова рассмеялся Камышин, — ты можешь подорвать финансовую мощь государства. Если все поддадутся панике и станут забирать накопления, случится денежный коллапс.

— Мне до всех дела нет, свое домохозяйство перед лихолетьем надо укрепить-обеспечить. Дык, сымите?

Марфа нервничала, потому что он тянул время и смотрел на нее с насмешливым обожанием.

Камышин любовался ею: статная, налитая женской силой, которую не скроешь за мешковатой одеждой.

В сорок пять лет Марфа выглядела так, что мужчины, общаясь с ней, приосанивались, расправляли плечи, задирали брови, стреляли глазами. Имей бы, как петухи, перья, призывно встопорщили бы их, будь парнокопытными, выбивали бы дробь конечностями. Но Марфа была равнодушна к мужским ухаживаниям. С Камышиным ее связывали непростые отношения — давние, Марфой пресеченные решительно и бесповоротно.

— Сымите? — повторила она, поджав губы.

— Как прикажешь.

— Спасибо, барин! — поклонилась Марфа и вышла.

Она называла Александра Павловича барином, когда простилась на его поведение. Камышин терпеть не мог этого обращения.

Марфа принялась закупать продукты долгого хранения — крупы, муку, макароны, сахар, соль, хлеб сушила на сухари. Однажды Камышин, возвращаясь с работы, встретил у парадного Марфу, которая тащила два мешка — один огромный, другой поменьше.

Александр Павлович забрал у нее ношу и спросил:

— Что у тебя тут?

— Клей столярный, — ткнула Марфа на большой мешок, — и лаврового листа по случаю перепало.

— Зачем тебе столько клея? — поразился Камышин.

— Дык его из костей варят.

— Марфа, ты умом тронулась? Собираешься нас клеем кормить? — Камышин остановился на ступеньках.

— Путь будет. — Марфа попыталась забрать у него мешки, но Камышин не отдал. — Съедобное всё ж таки. Вы голоду настоящего не знали.

— А ты знала?

— Нет, потому что у меня свекровь была мудрая женщина.

— Полнейшая ерунда! Сожрут мыши все твои запасы, помяни мое слово.

— А я кота завела, настоящего крысолова, выменяла на сковородку чугунную.

— Если уж ты настолько озабочена предстоящим голодом, — с издевкой проговорил Камышин, — то завела бы дюжину котов и собак. Мясо всё ж таки, — передразнил он.

Через полгода в Ленинграде не останется домашних животных — все они будут съедены, мыши передохнут сами собой, а крысы, напротив, размножатся.

Но еще до начала Войны произошло событие, повлиявшее на будущее семей Медведевых и Камышиных.

Марфа схватила кухонное полотенце и принялась стегать сына. Минуту назад Митяй сообщил, что Настя Камышина от него беременна.

— Ах ты, ирод! Варнак! Переселенец! — кричала Марфа.

В свое время, когда в Сибирь хлынул народ из центральной России и Украины, слово «переселенец» у коренных сибиряков стало ругательным.

Петр, отец Митяя, гыгыкал, глядя, как жена лупит сына, а тот слабо отмахивается. Петр всегда гыгыкал по любому поводу и без повода. Когда нормальные люди открывают рот, чтобы словами донести свое мнение о происходящем, из уст улыбающегося Петра вырывается: «гы-гы-гы». Сослуживцы, Петр работал кочегаром-истопником, и соседи принимали его за недоумка. И только близкие знали, что еще никому не удалось выиграть у Петра Еремеевича в шахматы, что он складывал в уме пятизначные числа, что, фанат-рыболов, он всегда приходил с большим уловом, ему были известны повадки каждого вида рыб. Кроме шахмат, праздных арифметических упражнений и рыбалки, Петра более ничего не волновало. Для окружающих он был физически сильным полуидиотом.

— Язви ты черти! — разорялась Марфа. — Ты пошто девку спортил?

Как и все Медведевы, Марфа была высокого роста, но двухметровому Митяю доходила только до носа. Ему надоело уворачиваться, тем более что мама обладала нешуточной силой и полотенце хлестало больно.

Он захватил полотенце, притянул за него мать, крепко обнял:

— Мам, хватит! Не портил я ее. Так получилось. Случайно...

— Дык, разве случайно девки брюхатеют, — обмякла Марфа и, всхлипнув, уткнулась сыну в грудь. — Как я теперь барину и барыне в глаза посмотрю?

— Я заметил, — Митяй широко улыбнулся и погладил мать по спине, — что, когда ты злишься или волнуешься, переходишь на сибирский говор. И еще называешь Елену Григорьевну и Александра Павловича барами. Какие они баре? Простые советские труженики, интеллигенты.

— Ага, Елена Григорьевна особо труженица у нас.

Критику в адрес хозяйки ни отец, ни сын не восприняли серьезно. Марфа пылинки сдувала с Елены Григорьевны, относилась к ней как к хронически больному ребенку. Этому ребенку было за сорок лет и она выкуривала две пачки папирос в день.

С улицы прибежал Степан, младший, тринадцатилетний сын Медведевых. Увидел обнимающихся мать и брата.

— Кто-то помер? — с испуганным интересом спросил Степан. Интересы было значительно больше, чем испуга. Не дожидаясь ответа, сообщил: — В двадцать четвертом корпусе дядька умер, сейчас выносили, на лестнице, на повороте гроб не вписался, мертвец чуть не выпал...

— Я тебе! — показала Марфа ему кулак. — Цыть!

Степан юркнул под мышку к отцу, который продолжал гыгыкать.

Марфа отстранилась от сына, взглянула на него с любовью и болью:

— Тебе лет-то сколько...

— Шестнадцать. Зато Насте восемнадцать.

— Какие из вас родители, малолетки!

— Переведусь в вечернюю школу. Пойду работать.

Степан ткнул отца в бок:

— Про что они?

— Настя, гы-гы, от Митяя, гы-гы...

— Завеременела?.. забережемевневе... — запутался Степан.

— Гы-гы, — подтвердил отец.

— В двадцать шестом корпусе, — в голос, громко перебил беседу матери и брата Степан, — тоже девушка нагуляла, так ее мать по коридору за косы таскала, от квартиры к квартире, чтобы выяснить кто...

— Уши после вчерашнего зажили? — спросил Митяй брата.

Он уже давно не прикладывал младшего брата по-настоящему, трудно было силу рассчитать, крутил за уши, когда Степка проказничал. Степень усилий легко определялась по визгу младшего брата, и Митя прекрасно слышал, когда Степка вопит притворно, а когда ему действительно больно и страшно, что без ушей останется.

Степка был смышленным, учился отлично, домашнее задание делал за двадцать минут. Но не потому, что школу и учебу любил. Хотел быстрее отделаться — и на улицу. Если в дневнике двойки и тройки, то мать на улицу не пустит, а Митька уши выкрутит, потом они как у слона. Если уши слона в кипяток опустить и сварить.

Степка был артист и хулиган. Прекрасно подражал голосам соседок. Мог постучать в их двери, попросить: «Маня (Глаша, Вера, Таня...), сахару не одолжишь?» И вместе с приятелями убегал, прятался за дверью на общую кухню. Женщины выходили и пялились друг на друга, выясняли, кто у кого одолжиться хотел. Потеха!

Проказы с кошельками на веревочке, пятакими, приклеенными к мостовой, которые «счастливые» облада-

тели найденного поймать или отодрать не могли — это все Степка Медведев. И еще он обожал многолюдное действо: похороны, поминки, свадьбы, соседский мордобой, женские кухонные склоки. Стоял где-нибудь в уголочке (в окружении приятелей, конечно) и в нужный момент мог гаркнуть: «Так она сама его в гроб загнала!» или: «Глядь, какая на ней кофта! У Маруси тридни назад такая пропала — чистая стиранная, с веревки», или: «Соли-то вам в борщ Верка бухнула. А вы думала, что дважды посолили». Кухонная бабья перебранка, привычно и мирно булькающая, превращалась в громотрясное извержение вулкана.

Елена Григорьевна Камышина говорила про Степку:

— Это больше, чем талант. Это дар. Прирожденный режиссэр, — Елена Григорьевна многие слова произносила на дореволюционный манер.

Марфа качала головой:

— По тюрьмам да острогам этот режиссэр будет театр наводить.

Ночью Марфа плохо спала, хотя обычно, намаявшись за день, засыпала как убитая — из пушки пали до пяти утра не добудишься. В пять, точно по внутреннему будильнику, открывала глаза, начинался рабочий день, который в лучшем случае заканчивался в десять вечера — это если Елена Григорьевна не загуляет, не придется ее дожидаться из театра, ресторана или из гостей. Вставать рано Марфа привыкла с детства, с крестьянских юности и молодости.

Одoleвали тревоги за будущее старшего сына, напозали как злые муравьи, подступали к сердцу, но впитаться не могли, смывало их волной — радостью сознания того, что на свет появится новый человек — ее, Митенькино, Еремея Николаевича Медведева, царство ему небесное, продолжение. Того, что ее сын не от мужа рожден, а от свекра, не знала ни одна живая душа. Петр детей не